

Глава первая

Венский кружок в фокусе истории

“Полночь в Вене”

Чтобы в полной мере воздать должное истории Венского кружка, мне нужно было быть художником. Увы, я точно не художник.

Остается только жалеть, что я не обладаю колдовским мастерством Вуди Аллена и не сумею заманить вас в такси и поделиться с вами тем, как мне видится “Полночь в Вене”, показать мой родной город в разные моменты его богатого прошлого. Выходя из такси, вы почти всегда будете попадать в межвоенные годы, но иногда окажетесь и в самом начале Второй мировой, где на заднем плане будет приглушенно звучать музыка из “Третьего человека”**. А чтобы начать свой рассказ как следует, мне придется вернуть вас в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, и пусть музыкальным сопровождением для нас станет вальс из “Веселой вдовы”.

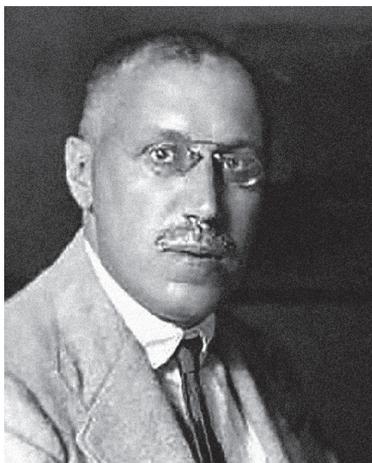
Увы, я не смогу познакомить вас с Густавом Климтом, Эгоном Шиле и Оскаром Кокошкой, с Отто Вагнером и Адольфом Лоосом, с доктором Фрейдом и доктором Шницлером. У них в нашем фильме эпизодические роли, они покажутся в кадре лишь мимоходом, за окнами ослепительно освещенной

* Аналогия с фильмом Вуди Аллена “Полночь в Париже” (2011 год).

** “Третий человек” — фильм режиссера Кэрола Рида (1949 год).

Мориц Шлик (1882–1936)

Ганс Ган (1879–1934)

Отто Нейрат (1882–1945)

кофейни. Актерский состав моего кино состоит в основном из философов — только, прошу вас, не пугайтесь! Эти философы принадлежат к самым разным школам, но всех их объединяет один всепоглощающий интерес — наука.

Если после таких открытий вы все еще со мной, позвольте вкратце очертить сюжет.

В 1924 году философ Мориц Шлик, математик Ганс Ган* и социолог-реформатор Отто Нейрат ре-

шили совместными усилиями организовать в Вене философский кружок. В то время Шлик и Ган преподавали в Венском

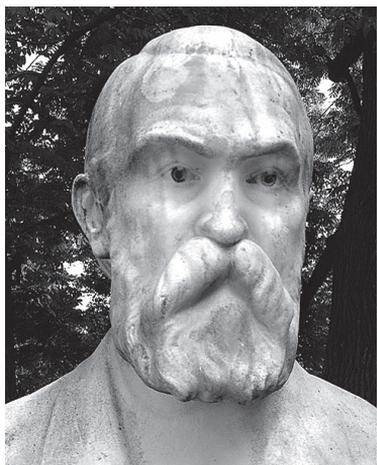
* В русскоязычной литературе по математике чаще встречается написание Ганс Хан (теорема Хана — Банаха).

университете, а Нейрат был директором Венского социально-экономического музея.

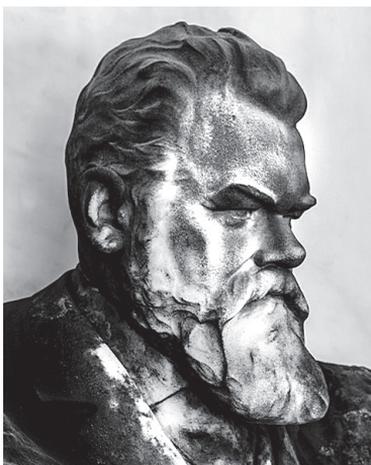
Начиная с этого года кружок регулярно встречался по четвергам вечером в маленькой университетской аудитории на улице, названной в честь австрийского физика Людвига Больцмана, и обсуждали философские вопросы, например, каковы определяющие черты научного знания, имеют ли какой-то смысл метафизические идеи, что делает логические утверждения такими несомненными и почему математика применима к реальному миру.

Манифест Венского кружка гласил: “Научное миропонимание характеризуется не столько через особые положения, сколько через определенную принципиальную установку, методы (*Gesichtspunkte*), исследовательскую направленность”^{*}.

Кружок стремился выстроить философию на чисто научной основе безо всяких заумных рассуждений о неизмеримых глубинах и без намека на сверхъестественный обскуран-

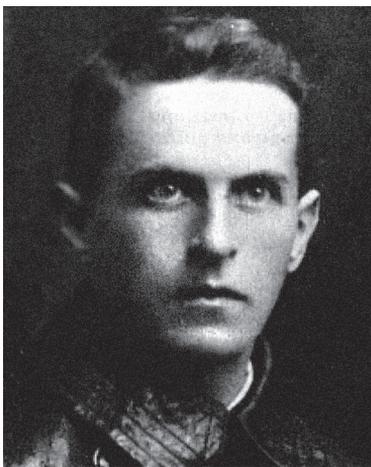

Эрнст Мах (1838–1916)

Людвиг Больцман (1844–1906)

* Эта и другие цитаты из манифеста Венского кружка приводятся по изданию: Р. КАРНАП, Г. ГАН, О. НЕЙРАТ. Научное миропонимание — Венский кружок / Пер. Я. Шрамко // *Логос*. 2005. №2 (47). (Прим. пер.)

Людвиг Витгенштейн (1889–1951)

тизм: “В науке нет никаких «глубин»; везде только поверхность: все данные опыта (*Erlebte*) образуют сложную, не всегда обозримую, нередко лишь в частностях понятную сеть. Все доступно человеку; и человек является мерой всех вещей”.

Венский кружок планомерно развивал традицию, заложенную Эрнстом Махом и Людвигом Больцманом, двумя титанами физики, которые совершали великие открытия и учили филосо-

фии в Вене на рубеже веков. Кроме того, главными путеводными звездами этой маленькой компании мыслителей были физик Альберт Эйнштейн, математик Давид Гильберт и философ Бертран Рассел.

Вскоре первое место в дискуссиях Венского кружка заняла тонкая книжка, только что увидевшая свет. Это был “Логико-философский трактат”, который написал Людвиг Витгенштейн в армии, в окопах Первой мировой. Витгенштейн, отказавшись от огромного наследства, решил стать учителем в сельской начальной школе в Нижней Австрии. Однако через некоторое время он подпустил к себе некоторых участников Венского кружка, и эта связь постепенно вернула его к философии.

Венский кружок не хотел иметь ничего общего с узколобыми и зачастую косными философскими традициями: “Научное миропонимание не знает никаких неразрешимых загадок. Прояснение традиционных философских проблем приводит к тому, что они частью разоблачаются как кажущиеся проблемы*, частью преобразуются в эмпирические проблемы и тем самым

* В других переводах — “мнимые проблемы”. (*Прим. пер.*)

Курт Гёдель (1906–1978)

Рудольф Карнап (1891–1970)

переходят в ведение опытной науки. В этом прояснении проблем и высказываний и состоит задача философской работы, а вовсе не в создании собственных «философских» высказываний”.

К кружку присоединялись блистательные новички — философ Рудольф Карнап, математик Карл Менгер, логик Курт Гёдель. Именно им предстояло кардинальным образом переопределить границы между философией и математикой. Тесные связи с Венским кружком возникли и у философа Карла Поппера, хотя он так и не удостоился приглашения на его встречи.

Карл Менгер (1902–1985)

Кружок быстро стал мировым центром движения под названием *логический эмпиризм*. Линии его диспутов продол-

Карл Поппер (1902–1994)

жили ведущие мыслители Праги, Берлина, Варшавы, Кембриджа и Гарварда.

В 1929 году Венский кружок стал известным широкой общественности, решив издавать собственные журналы и книги и проводить конференции и циклы лекций. Эту существенную перемену знаменовало появление манифеста “Научное миропонимание”. Этот манифест был не столько свидетельством о рождении, сколько крещением, ведь кру-

жок Шлика существовал уже пять лет. Новым было название “Венский кружок”, которое предложил Отто Нейрат: оно должно было вызывать приятные ассоциации — Венский лес, венский вальс — а кроме того, служить торговой маркой. Содержание манифеста стало вехой, возвещавшей о появлении не только новой философской школы, но и новой общественно-политической повестки дня. *“Научное миропонимание служит жизни, и жизнь принимает его”*.

Авторы манифеста принадлежали к левому крылу маленькой компании и ничуть не скрывали своего страстного желания коренным образом реформировать общественное устройство. Общество Эрнста Маха, основанное участниками Венского кружка в 1928 году, посвятило свою деятельность “распространению научного миропонимания”. В политической борьбе за реформы, особенно в вопросах образования и жилищного обеспечения, оно приняло сторону социал-демократов в Красной Вене. (Несмотря на название, Красная Вена — по-немецки *Rotes Wien* — это не коммунистическое движение, а просто неофициальное название Вены в период, когда ей правили социал-демократы, то есть с 1918 по 1934 год.)

Кофе и сигары

Естественно, вскоре Венский кружок и Общество Эрнста Маха стали излюбленными мишенями для антисемитских и правых течений, существовавших в Вене. Политическая обстановка становилась все более угрожающей. На этом втором, публичном этапе своего существования Венский кружок постепенно распался.

Карнап перебрался в Прагу, Витгенштейн — в Кембридж. Нейрату запретили возвращаться на родину после Гражданской войны в Австрии в 1934 году. В том же году скоропостижно скончался Ган. Юному Гёделю то и дело приходилось ложиться в психиатрическую больницу. В 1936 году погиб Шлик — его убил бывший ученик на ступенях главного здания университета. Вскоре после этого Менгер и Поппер приняли решение эмигрировать, поскольку преобладающие в обществе настроения были им отвратительны. Большинство членов Венского кружка покинули Вену задолго до так называемых чисток, последовавших за аншлюсом (аннексией Австрии Третьим рейхом) — но не все. Запоздавший Курт Гёдель очутился в США вопреки всему уже после начала войны, в 1940 году. Ему пришлось пробираться окольными путями — через Сибирь, Японию и весь Тихий океан.

Венский кружок, уже весьма знаменитый, утратил венские корни и вернул их себе лишь после Второй мировой войны. Однако его идеи были возрождены в англосаксонских странах и в дальнейшем оказали судьбоносное воздействие на интеллектуальную и научную историю двадцатого века, определили дальнейшее течение аналитической философии, формальной логики и экономической теории. Например, алгоритмы и компьютерные программы, без которых немислима наша повседневная жизнь, восходят к абстрактным исследованиям Рассела, Гёделя и Карнапа по символической логике и вычислимости.

В затейливых узорах истории Венского кружка нашлось место сюжетам об убийствах и самоубийствах, страстных ро-

манах и нервных срывах, политических преследованиях и чудесных спасениях — однако красной нитью через ткань этой истории проходит непрерывный поток жарких диспутов между его участниками. Многие члены кружка надеялись, что он станет сплоченным интеллектуальным коллективом, однако этого ни в коей мере не произошло, как не был он и конгрегацией вопреки обвинениям противников. Кружок бурлил от громогласных споров и молчаливого недоверия. И разве может быть иначе, когда встречаются философы?

В самом начале нашей истории, на рубеже двадцатого века, в лекционном зале Венской академии физики Людвиг Больцман и Эрнст Мах провели нашумевший в обществе диспут по животрепещущему вопросу: существуют ли атомы? В конце нашей истории, через год после окончания Второй мировой войны, в уютной кембриджской гостиной состоялась бурная ссора между Карлом Поппером и Людвигом Витгенштейном по насущному вопросу: существуют ли философские проблемы? За пятьдесят лет, прошедших между этими глубоко символическими дебатами, роль Вены в философии была столь же фундаментальной, сколь и когда-то в музыке.

Венский кружок в этот невероятный период интеллектуального расцвета занимал центральное место — это был светоч точного мышления, ярко выделяющийся на фоне дикого фанатизма и маниакальной глупости. Наши доблестные философы прекрасно понимали, что стоят на кренящейся палубе тонущего корабля, но это лишь приносило остроты в их дискуссии о пределах познания. Казалось, время на исходе. Некоторые музыканты уже паковали свои инструменты.

С сегодняшней точки зрения этот корабль затонул уже давным-давно. В наше время миллионы ученых и сотни миллионов их родных и близких воспринимают научное миропонимание, в общем и целом, как данность. Если начать их расспрашивать, они признают, что ему со всех сторон грозят опасности — и религиозные фундаменталисты всех мастей, и отупляющий поток “мусорной культуры”, и просто недо-

статок общественного внимания, принявший размах эпидемии. По сравнению со всеми остальными опасностями, с которыми мы сталкиваемся, опасность, грозящая науке, не кажется такой уж большой, однако, как показывает история Венского кружка, все может очень быстро измениться.

Эпическое повествование о взлете и падении Венского кружка охватывает меньше полувека. Какой-нибудь официант из кофейни мог бы, так сказать, пронаблюдать его с начала до конца из первого ряда. Юным мальчиком на побегушках он подавал бы *Einspänner mit Schlag** корпулентному надворному советнику Эрнсту Маху, любимцу имперской Вены, кружащей в вечном вальсе, а уже пожилым согбенным метрдотелем сокрушался бы вместе с мрачным Витгенштейном, что этот послевоенный эрзац-кофе просто невозможно пить.

Будь я Джимом Джармушем, я бы рассказал историю официанта в виде череды кратких эпизодов, объединенных в фильм под названием “Кофе и сигары”. Но я, увы, не художник, а лишь пожилой согбенный профессор, выросший в тени кружка. Поэтому я просто постараюсь рассказать вам, как все было, с самого начала.

* Кофе со взбитыми сливками (нем.).